

**Русский архив. Историко-
литературный сборник. 1908**

Выпуски 1-4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р89

Р89 Русский архив. Историко-литературный сборник. 1908: Выпуски 1-4 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 688 с.

ISBN 978-5-458-46813-8

Оригинальное название: Русский архивъ. Историко-литературный сборникъ. 1908. Выпуски 1-4«Русский архив» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Бартенев – историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Бартенев издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Бартенева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Бартенев подобрал исторический материал для романа "Война и мир". Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Бартенева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Бартенева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

ISBN 978-5-458-46813-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

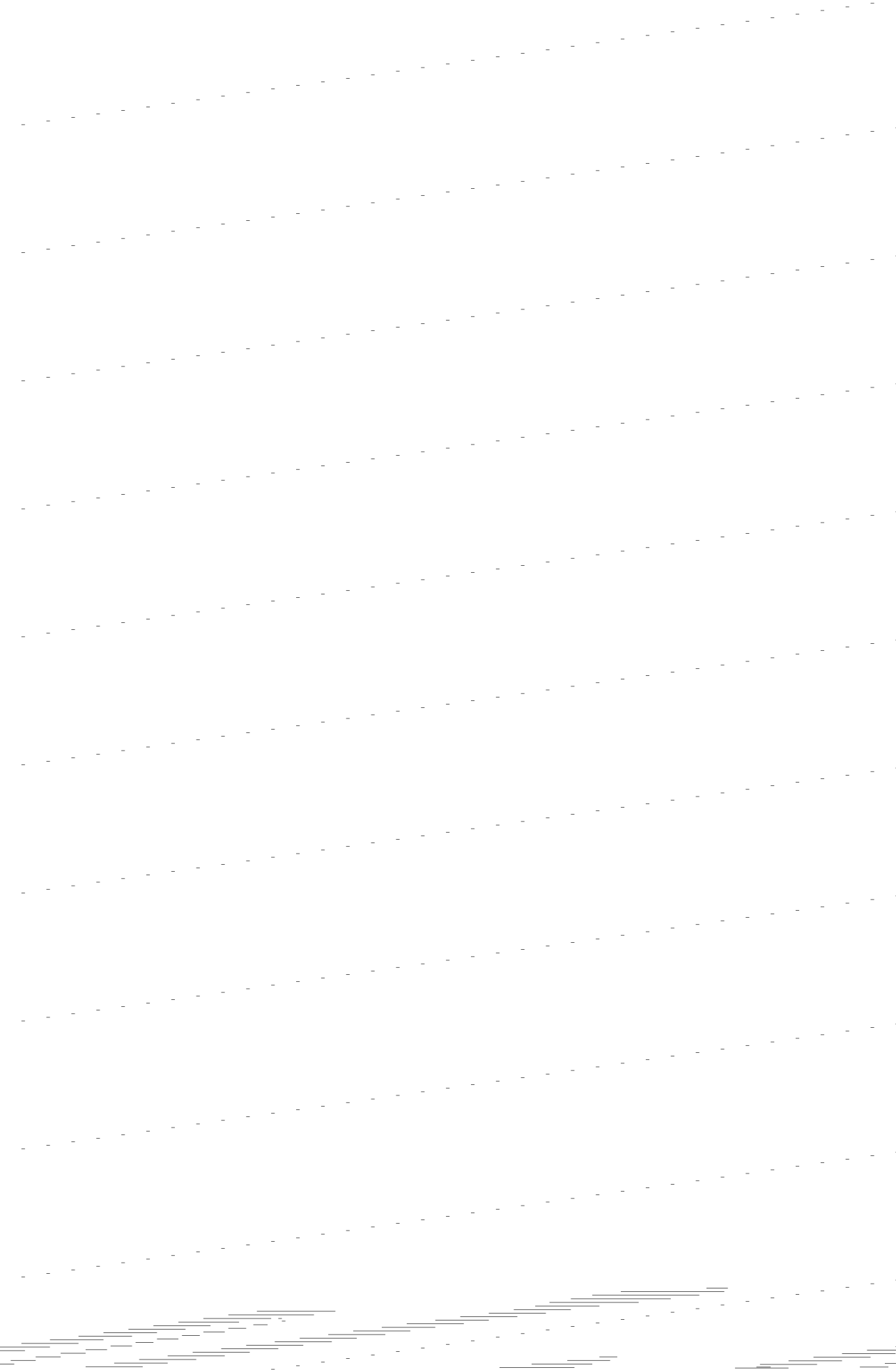
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ФИЛИППА СЕГЮРА.

Очеркъ его жизни.

Графъ Филиппъ-Павель Сегюръ (сынъ того графа Сегюра, Записки котораго помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ 1907 года), генералъ и историкъ, родился въ Парижѣ въ 1780 г., умеръ въ томъ же городѣ въ 1843 г. Первыми воспитателями его были отецъ и дѣдъ, оба люди высокаго ума, которые съ его дѣтства развивали въ немъ вкусъ къ знаніямъ и словесности. Въ 14 лѣтъ онъ уже сочинялъ стихи. Отецъ побуждалъ его къ болѣе дѣльнымъ занятіямъ, особенно къ изученію исторіи и великихъ учителей древности: Фукидида, Ксенофонта и преимущественно Полибія, который впоследствии служилъ ему образцомъ. Внукъ маршала Франціи, сынъ челоуѣка, который, прежде чѣмъ вступить въ дипломатію, сражался подъ начальствомъ Лафайета и Рошамбо за свободу Сѣверной Америки, молодой Сегюръ естественно помышлялъ о военномъ поприщѣ и вступилъ на него скромно, простымъ гусаромъ (Февраль 1800 г.). Подъ начальствомъ Морё, онъ участвовалъ въ Баварскомъ походѣ революціонной Франціи и въ Гогенлинденскомъ сраженіи. Затѣмъ перешелъ онъ въ армію Макдональда, сражался съ Австрійцами въ Швейцаріи и тогда написалъ первое свое произведеніе „Письма о походѣ Макдональда“ (Парижъ, 1802), гдѣ уже проглядывали отличное дарованіе и большое знаніе военнаго искусства. Въ 1804 году онъ имѣлъ случай, благодаря своему отцу (оберъ - церемоніймейстеру), видѣть иногда тогдашній Французскій дворъ.

Молодой графъ Сегюръ понравился Наполеону, который далъ ему полу-дипломатическое порученіе въ Данію, потомъ, по устройству Булонскаго лагеря, надсмотръ надъ военными работами береговъ Ламанша, Бельгійскихъ и Рейнскихъ границъ. Сегюръ былъ въ Аустерлицкомъ сраженіи и затѣмъ сопровождалъ короля Іосифа въ Неаполь. Онъ отличился при осадѣ Гаеты и заслужилъ эполеты, какъ начальникъ эскадрона. Отозванный въ Парижъ, онъ женился на дочери графа Люсея, главнаго префекта дворца, потомъ участвовалъ въ сраженіи при Іенѣ и въ цѣломъ рядѣ кровавыхъ боевъ съ Русскими войсками съ 23 Декабря 1806 по 6 Февраля 1807 годовъ. Раненый два раза, онъ попался въ плѣнъ и былъ увезенъ въ Вологду, гдѣ и пробылъ до Тильзитскаго мира. Получивъ свободу, онъ немедленно от-

правился въ Испанію въ чинѣ майора, въ нѣсколько дней заслужилъ своею храбростію въ битвѣ при Сомо-Сіера чинъ полковника, но, весь израненный былъ вынужденъ вернуться во Францію и нѣсколько отдохнуть. Наполеонъ давалъ ему дипломатическія порученія (1810 г.) при Сѣверныхъ дворахъ. Произведенный въ бригадные генералы 2 Іюня 1811 года, онъ поступилъ въ главный штабъ императора и находился въ немъ во время губительнаго похода въ Россію. Въ 1813 году ему поручено было сражаться на Рейнѣ во главѣ 5-го полка почетной гвардіи, и онъ много способствовалъ къ защитѣ границъ передъ Ландау и Страсбургомъ.

Тутъ кончается военная служба графа Филиппа Сегюра. Реставрація оставила ему его чинъ, но лишила дѣятельности въ наказаніе за приверженность къ Наполеону по возвращеніи его съ Эльбы. Человѣкъ войны сдѣлался историкомъ великихъ событій, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ. Описаніемъ похода въ Россію въ видѣ обширнаго историческаго сочиненія занимался онъ въ теченіи восьми лѣтъ. Только въ 1824 г. появилась его „Исторія Наполеона и великой арміи въ 1812 году“. Эта книга имѣла необычайный успѣхъ и до сихъ поръ занимаетъ видное мѣсто между частными исторіями Имперіи. Ея появленіе вызвало жаркую полемику. Описывая съ уваженіемъ человѣка, на службѣ которому онъ провелъ полжизни, графъ Сегюръ первый имѣлъ смѣлость и честь высказаться самостоятельно о Наполеонѣ и о разгромѣ 1812 года. Онъ показалъ Наполеона, какимъ видѣлъ его вблизи, впродолженіе всего этого губительнаго похода, въ полномъ упадкѣ моральномъ и физическомъ и съ потухавшимъ геніемъ. Полная ужасовъ картина этого знаменитаго отступленія даетъ гр. Сегюру полное право на имя историка. Строгой слога ярко рисуетъ образы, а глубокое чувство придаетъ жизнь страницамъ, написаннымъ съ краснорѣчивой и горестной правдою. Между его противниками былъ генералъ Гурдо, который предпринялъ опроверженіе „Исторіи Наполеона и великой арміи“. Рѣзкія выраженія вызвали поединокъ между двумя генералами, и графъ Сегюръ былъ раненъ.

Графъ Сегюръ сталъ членомъ Французской Академіи 25 Марта 1830 года, на мѣсто Леви. Произведенный въ генералъ-лейтенанты, затѣмъ въ пэры Франціи правительствомъ Людовика-Филиппа, онъ имѣлъ случай произнести въ Палатѣ нѣсколько замѣчательныхъ рѣчей. На другой день по его кончинѣ появилась его книга „Исторія и воспоминавія“. Въ ней описываетъ онъ совмѣстно жизнь Наполеона и свою собственную.

(Извлечено изъ большаго Всеобщаго Словаря Ларуса).

*

Съ плѣнными въ Россіи всегда обращались милосердно, и пребываніе графа Сегюра въ Вологдѣ, въ 1807 году, могло внушить ему нѣкоторое сочувствіе къ Русскимъ. При Людовикѣ XVIII-мъ, въ Парижѣ, онъ долженъ былъ нерѣдко видаться съ проживавшимъ тамъ нашимъ графомъ Растончиннымъ, въ дочери котораго женился родной его племянникъ. П. Б.

З а п и с к и.

Въ какомъ униженіи ни держалъ Наполеонъ престолы Южной и Западной Европы, но онъ зналъ, что Сѣверный престолъ Александра, благодаря своему вѣчно-грозящему положенію, все-таки можетъ преобладать надъ нимъ. На этихъ ледяныхъ вершинахъ Европы, съ которыхъ нѣкогда страшными потоками низвергались варвары, Наполеонъ усматривалъ всѣ признаки нашествія. До сихъ поръ Австрія и Германія служили достаточными преградами; но онъ самъ унижилъ ихъ, оставшись такимъ образомъ на виду и единственнымъ охранителемъ просвѣщенія, богатства и всѣхъ народныхъ правъ Европейскаго населенія противъ невѣжественной грубости и алчныхъ вождельнѣй бѣдныхъ народовъ Сѣвера, противъ честолюбія ихъ Императора и его дворянства. Очевидно было, что только война могла рѣшить этотъ великій споръ, эту великую и вѣчную борьбу бѣднаго съ богатымъ. И тѣмъ не менѣе, съ нашей стороны, эта война не была ни Европейской, ни даже національной. Европа шла на нее противъ воли, такъ какъ цѣлью похода было усиленіе могущества ея завоевателя. Франція была истощена и жаждала покоя; высшіе ея сановники, составлявшіе дворъ Наполеона, страшились возобновленія войны и разбросанности нашей арміи отъ Кадикса до предѣловъ Россіи. Хотя они понимали неизбежность великой распри, но не находили доказанною ея безотлагательность.

Въ этихъ видахъ графъ Моллиенъ предъявлялъ, что финансы Франціи требуютъ покоя. На это Наполеонъ отвѣчалъ: «напротивъ, если они въ разстройствѣ, то для нихъ нужна война». Герцогъ Газта прибавлялъ, что дѣйствительно, никогда еще государственные доходы не были въ болѣе удовлетворительномъ состояніи (удивительно, что по отчету, сданному въ 3-хъ или 4-хъ миллиардахъ, не было долговъ ко взысканію), но что такому благополучію приходитъ конецъ, такъ какъ видимо, съ 1812-мъ годомъ начнется разорительная война. До сихъ поръ война питалась войной, вездѣ мы находили все готовое; на будущее время намъ нельзя будетъ жить на счетъ Германіи, сдѣлавшейся нашей союзницей: напротивъ, придется кормить еще и эту часть арміи, безъ надежды на возмездіе, каковъ бы ни былъ успѣхъ, потому что придется въ Парижѣ оплачивать каждый паёкъ хлѣба, сдѣданный въ Москвѣ.

Послѣ побѣды съ новыхъ полей сраженія нельзя будетъ ничего собрать кромѣ конопля, дегтя и мачтоваго лѣса, а это, конечно, не пойдетъ на уплату расходовъ для войны на материкѣ. Франція не въ состояніи расплачиваться за Европу, особенно въ настоящее время, когда ея средства идутъ въ Испанію; это значило бы зажигать сразу съ двухъ концовъ огонь, который въ стремленіи къ центру, истощенному такимъ большимъ напряженіемъ, можетъ истребить и насъ самихъ.

Этотъ министръ былъ выслушанъ. Императоръ глядѣлъ на него смѣющимся взглядомъ со свойственной ему привѣтливостью. Министру казалось уже, что онъ подѣйствовалъ, какъ вдругъ Наполеонъ отвѣчаетъ ему: «Такъ! вы думаете, что я не сумѣю заставить кого слѣдуетъ заплатить расходы на войну?» Герцогъ старался догадаться, на кого должно было пасть это бремя; но императоръ, однимъ словомъ, обнаружилъ всю широту своихъ замысловъ и зажалъ ротъ удивленному министру.

Онъ слишкомъ, впрочемъ, хорошо оцѣнивалъ всѣ трудности своего предпріятія. Быть можетъ, этимъ онъ и навлекъ на себя упрекъ, будто воспользовался средствомъ, которое отвергъ въ войнѣ съ Австріей и примѣръ которому подалъ въ 1793 году знаменитый Питтъ. Говорятъ, будто, къ концу 1811 года, префектъ Парижской полиціи узналъ, что какой-то типографчикъ секретно поддѣлывалъ Русскія ассигнаціи. Наполеонъ посылаетъ его схватить, тотъ сопротивляется, но, наконецъ, въ его домъ ворвались и ведутъ его къ судѣ, котораго онъ изумляетъ самоувѣренностью и еще больше ссылками на министра полиціи. Типографчикъ былъ тотчасъ отпущенъ; прибавляли даже, будто онъ продолжалъ свою поддѣлку и что, при первомъ нашемъ появленіи въ Литвѣ, мы распустили слухи, что въ Вильнѣ нами захвачено изъ кассъ непріятельской арміи нѣсколько милліоновъ Русскихъ ассигнацій. Каково бы ни было происхожденіе этихъ фальшивыхъ денегъ, Наполеонъ смотрѣлъ на нихъ съ отвращеніемъ. Неизвѣстно даже, согласился ли онъ на ихъ употребленіе; достоверно, по крайней мѣрѣ, что во время нашего отступленія, когда мы оставляли Вильну, большинство этихъ ассигнацій было найдено нетронутыми и что по приказанію Наполеона ихъ сожгли» *).

Понятовскій, которому эта война, казалось, сулила престоль, имѣлъ великодушіе присоединиться къ мнѣнію министровъ императора,

*) Тутъ графъ Сегюръ сознательно или умышленно щадитъ своего повелителя. Фальшивыя Русскія сторублевныя ассигнаціи печатались съ вѣдома Наполеона, и доска для ихъ тисненія, была найдена въ захваченной нами коляскѣ у Бертье. Въ Москвѣ печатаніе было поручено безпоповцамъ Преображенскаго кладбища. См. статью И. П. Липравди въ „Русскомъ Архивѣ“ 1865 г. П. Б.

указывая ему на опасность его предпріятія. Въ этомъ Польскомъ князѣ любовь къ родинѣ была сильной и благородной страстью, что онъ и доказалъ своей жизнью и смертью. Тѣмъ не менѣе это чувство не ослѣпляло его. Онъ изобразилъ Литву пустынной и неудобной для проѣздовъ; Литовское дворянство, по его словамъ, полуобрусѣло, характеръ жителей равнодушный и непривѣтливый. Императоръ, въ нетерпѣннѣи, остановилъ его; онъ желалъ получить свѣдѣнія, побуждающія предпринять походъ, а не воздерживающія отъ него.

Правда, большинство подобныхъ возраженій были лишь слабымъ повтореніемъ всего, что уже давно приходило на умъ Наполеону. Никто не зналъ, до какой степени онъ считался съ опасностью, сколько усилій онъ употребилъ съ 30-го Декабря 1810 года, чтобы изучить страну, которая рано или поздно неминуемо должна была сдѣлаться театромъ рѣшительной войны; сколько было имъ послано туда развѣдчиковъ, сколько онъ доставалъ сочиненій о дорогахъ къ Петербургу и Москвѣ, о свойствахъ народа, главнымъ образомъ купческаго сословія и, наконецъ, всякаго рода надеждахъ, какія можно было возлагать на эту страну. Если онъ упорствовалъ въ своемъ мнѣніи, то потому, что, далеко не обманываясь въ силѣ своей, онъ не раздѣлялъ сомнѣнія въ ней, что, можетъ быть, и мѣшало ему усмотрѣть, насколько ослабленіе Россіи было нужно для будущаго существованія великой Французской Имперіи.

Въ этихъ видахъ онъ еще разъ обратился къ тремъ высшимъ сановникамъ, всѣмъ извѣстныя заслуги и преданность которыхъ давали имъ право говорить безъ стѣсненія. Всѣ трое, въ качествѣ министровъ, посланниковъ и пословъ, знавали Россію въ различное время. Наполеонъ всячески старался ихъ убѣдить въ пользѣ, справедливости и необходимости войны. Тѣмъ не менѣе, въ особенности одинъ изъ нихъ, графъ Сегюръ часто и нетерпѣливо прерывалъ его.

Полный горячей и непоколебимой искренности, происходившей отъ военнаго воспитанія, а можетъ быть свойственной людямъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ родился *), графъ Сегюръ воскликнулъ: «Не слѣдуетъ ни самому обманываться, ни стараться обмануть другихъ. Захвативъ материкъ Европы и даже владѣнія, принадлежація родственникамъ союзника, нельзя обвинять его въ нарушеніи континентальной системы. Какъ можно, въ то время когда Французская армія покрываетъ всю Европу, упрекать Русскихъ за ихъ армію? Наполеоновскому ли честолюбію указывать на честолюбіе Александра? Впрочемъ, этимъ госу-

*) Старый замокъ гр. Сегюровъ въ кантонѣ Люберзакъ (близъ Орлеана). П. Б.

даремъ уже принято рѣшеніе. Въ случаѣ, если одолѣють Россію, нечего будетъ ожидать мира до тѣхъ поръ, пока хоть одинъ Французъ останется на Русской землѣ; въ этомъ національная и упорная гордость Русскихъ согласуется съ гордостью ихъ Императора. Дѣйствительно, его подданные обвиняютъ его въ слабости; но это напрасно, такъ какъ нельзя о немъ судить по тѣмъ любезностямъ, которыя онъ расточалъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, неопытно поддавшись чувству удивленія и отчасти честолюбія. Монархъ этотъ любитъ справедливость; онъ желаетъ, чтобы правда была на его сторонѣ и нерѣшителенъ только до тѣхъ поръ, пока не увѣренъ въ своей правотѣ, за то, убѣдившись въ ней, онъ дѣлается непоколебимъ. И наконецъ, по отношенію къ его подданнымъ, для него опаснѣе заключить позорный миръ, чѣмъ выдержать несчастную войну. Какъ возможно не видѣть, что въ этой войнѣ намъ приходится опасаться всего, даже своихъ союзниковъ? Развѣ Наполеонъ не слышитъ, какъ встревоженные короли говорятъ, что состоятъ у него лишь намѣстниками? Чтобы возстать противъ Наполеона, всѣ ждутъ только случая. Къ чему же рисковать доставленіемъ этого случая?»

Поддержанный обоими своими товарищами, графъ Сегюръ прибавилъ, что съ 1805 года система веденія войны, заставляющаго самаго дисциплинированнаго солдата заниматься мародѣрствомъ, посѣяла ненависть по всей Германіи, черезъ которую Императоръ намѣревался теперь пройти. Неужели же онъ перекинетъ свою армію черезъ всѣ эти народы, у которыхъ не зарубцевались еще нанесенныя нами раны? Сколько ненависти, сколько мести это значило бы поселить между ними и Франціей! А у кого искать поддержки? У Пруссіи, которую мы разоряемъ въ теченіе уже пяти лѣтъ и союзъ съ которой вынужденъ и притворенъ. Итакъ, Наполеонъ проведетъ линію военныхъ дѣйствій небывалой длины въ странѣ, гдѣ царитъ безмолвный страхъ, рабодѣпный и вѣроломный, подобно лавѣ вулкана, скрывающей подъ собой страшное пламя, которое отъ малѣйшаго толчка можетъ произвести изверженіе!

И наконецъ, что получить онъ отъ столькихъ завоеваній? Придется ему королей замѣнить намѣстниками; а эти, будучи властолюбивые генераловъ Александра, пожалуй, станутъ имъ подражать, не дожидаясь смерти своего повелителя. Смерть же онъ неминуемо долженъ встрѣтить на столькихъ поляхъ сраженія и раньше, чѣмъ успѣетъ упрочить свое дѣло, такъ какъ каждая война будитъ внутри страны надежду всѣхъ партій и подвергаетъ новымъ сомнѣніямъ прежнія рѣшенія.

«Угодно ли ему знать, какіе разговоры ведутся въ арміи? Тамъ говорятъ, что лучшіе его солдаты въ Испаніи; что вслѣдствіе частыхъ

наборовъ, въ полкахъ нѣтъ единства; солдаты не знаютъ другъ друга и не увѣрены въ возможности, на случай опасности, рассчитывать одинъ на другого; первый рядъ тщетно прикрываетъ слабость двухъ слѣдующихъ за нимъ рядовъ; вслѣдствіе неподходящаго возраста и недостаточнаго здоровья, большое число солдатъ умираетъ въ первыхъ же походахъ единственно отъ тяжести ранцевъ и оружія. И между тѣмъ, въ предстоящемъ походѣ солдата раздражить не столько сама война, сколько страна, въ которой придется ее вести. Литовцы насъ зовутъ, говорятъ они, но на какую почву? въ какой климатъ? въ страну съ какими нравами? Все это слишкомъ извѣстно по кампаніи 1806 года. Гдѣ же останавливаться въ этихъ плоскихъ равнинахъ, лишенныхъ какихъ бы то ни было естественно или искусственно укрѣпленныхъ позицій? Развѣ же неизвѣстно, что съ 1-го Октября по 1-е Юня всѣ стихіи служатъ защитой для этихъ странъ; неизвѣстно развѣ, что если завести армію въ эти пустыни грязи и льдовъ во всякое время, кромѣ съ Юня до Октября, она можетъ вся погибнуть и безъ всякой славы! При этомъ онъ прибавилъ, что Литва скорѣе можетъ считаться Азіей, чѣмъ Испанія Африкой; Французская же армія, будучи непрерывной войной какъ бы изгнана изъ Франціи, желаетъ остаться, по крайней мѣрѣ, Европейскою. И наконецъ, когда нашей арміи придется въ этихъ пустыняхъ стоять лицомъ къ лицу съ непріателемъ, какъ различны будутъ побудительныя причины, вдохновляющія тѣхъ и другихъ? Для Русскихъ—родина, независимость, всѣ выгоды, частныя какъ и общественныя. Для насъ, и противъ столькихъ преградъ,—единственно слава, даже безъ корысти, которой нечѣмъ поживиться при страшной бѣдности тѣхъ странъ. Тогда какаѣ цѣли для такихъ трудовъ? Французы уже не узнавали другъ друга: до такой степени стали разнообразны обычаи, лица и языки въ этой державѣ, предѣлы которой не опредѣлены ни одной естественной границей.

Старшій изъ сановниковъ, гр. Сегюръ, говорилъ еще, что нельзя арміи такъ растягиваться, не ослабляясь: это значило растворить Францію въ Европѣ, такъ какъ, если бы Франціей сдѣлалась вся Европа — то самой Франціи уже не было бы. Развѣ съ этимъ отъѣздомъ Франціи же останется пустынною, покинутою своимъ главою, безъ арміи, представленная возможности всякихъ перемѣнъ? Кто же защититъ ее? «Моя слава! воскликнулъ Императоръ: оставляю во Франціи свое имя и страхъ, внушаемый вооруженнымъ народомъ!»

Всѣ эти возраженія, казалось, вовсе не поколебали его рѣшенія. Онъ объявилъ, что установить въ имперіи всеобщее народное ополченіе и безъ недоувѣрія предоставить Французамъ защиту Франціи,

своей короны и своей славы. Что касается до Пруссіи, онъ обезпечилъ себя ея спокойствіе, поставивъ ее въ невозможность двинуться, даже въ случаѣ пораженія или высадки Англичанъ на берегъ Сѣвернаго моря, либо въ тылу нашей арміи. Въ его рукахъ была и гражданская и военная полиція Пруссіи, онъ былъ властелиномъ Штеттина, Кюстрина, Глогау, Торгау, Шпандау и Магдебурга; у него зоркіе офицеры, а въ Берлинѣ войско. Съ такими средствами и при вѣрности Саксоніи, ему нечего бояться непріязни со стороны Пруссіи. Что касается остальной Германіи, то ее связываетъ съ Франціей давняя политика, а также брави съ членами королевскихъ фамилій Баденской, Баварской и Австрійской; поэтому онъ разсчитываетъ на тѣхъ изъ этихъ государей, которые обязаны ему своимъ новымъ титуломъ. Послѣ того какъ онъ подавилъ анархію и сталъ на сторону государей, при томъ могуществѣ, какое въ его рукахъ, они могутъ возстать противъ него, не иначе какъ возбудивъ въ населеніяхъ начала народовластія; конечно, монархи не вступятъ въ союзъ съ этимъ естественнымъ врагомъ престоловъ, который, не будь Наполеона, испровергъ бы ихъ. Онъ одинъ можетъ ихъ защитить отъ этого.

Къ тому же Нѣмцы тупы и педантичны, съ ними онъ всегда успѣетъ справиться; онъ владѣетъ всѣми Прусскими крѣпостями, при чемъ Данцигъ—второй Гибралтаръ. (Это невѣрно, особенно зимой).

«Россія должна пугать Европу своимъ военнымъ и завоевательнымъ правительствомъ, точно такъ, какъ дикимъ народонаселеніемъ которое уже теперь очень многочисленно и кромѣ того ежегодно увеличивается на полъ-милліона. Развѣ армію ея не видѣли во всей Италіи, въ Германіи и даже на берегахъ Рейна? Требуя очипченія Пруссіи, она жаждетъ невозможнаго; потому что выпустить изъ рукъ Пруссію, послѣ нанесенныхъ ей столькихъ ранъ, значило бы отдать ее Россіи, которая воспользовалась бы ею противъ насъ».

Затѣмъ, продолжая съ большимъ жаромъ, онъ воскликнулъ: «Къ чему угрожать моему отсутствію разными еще существующими внутри имперіи партіями? Гдѣ онѣ? Я вижу противъ себя всего одну, состоящую изъ нѣсколькихъ роялистовъ, въ большинствѣ принадлежащихъ къ старинному дворянству, людей старыхъ и неопытныхъ. Но они больше боятся моей гибели, чѣмъ желаютъ ея. Вотъ, что я имъ сказалъ въ Нормандіи: Меня высоко превозносятъ какъ великаго полководца и искуснаго политика, за то почти совсѣмъ не говорятъ обо мнѣ, какъ объ администраторѣ; и однако, самое трудное, что я сдѣлаю, это то, что остановилъ революціонный потокъ, который погло-